

DOI: [10.14515/monitoring.2024.2.2456](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2456)

Е. В. Петрова

«ИНТЕРНЕТ ТАМ, ГДЕ У МЕНЯ ПОЖАР»: КАК МОЛОДЫЕ ЛЮДИ ОТНОСЯТСЯ К ИНТЕРНЕТУ И КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЕМУ ПРИДАЮТ?

Правильная ссылка на статью:

Петрова Е. В. «Интернет там, где у меня пожар»: как молодые люди относятся к интернету и какое значение ему придают? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 3—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2456>.

For citation:

Petrova E. V. (2024) "The Internet Is Where I Have a Fire": Young People's Attitudes Towards Online Practices and Their Context. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 3–27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2456>. (In Russ.)

Получено: 20.07.2023. Принято к публикации: 20.03.2024.

«ИНТЕРНЕТ ТАМ, ГДЕ У МЕНЯ ПОЖАР»: КАК МОЛОДЫЕ ЛЮДИ ОТНОСЯТСЯ К ИНТЕРНЕТУ И КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЕМУ ПРИДАЮТ?

ПЕТРОВА Евгения Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: evpetrova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9806-4704>

“THE INTERNET IS WHERE I HAVE A FIRE”: YOUNG PEOPLE’S ATTITUDES TOWARDS ONLINE PRACTICES AND THEIR CONTEXT

Evgeniya V. PETROVA¹ — Cand. Sci. (Philol.), Assistant Professor

E-MAIL: evpetrova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9806-4704>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты исследования отношения молодых людей в возрасте от 16 до 20 лет к интернету. Автор отмечает, что молодежь оказалась в ситуации, когда пройдены этапы расширения доступа, а интернет постепенно становится частью все большего числа социальных процессов, и анализирует ситуации использования интернета и разные варианты отношения к нему среди молодежи.

Работа опирается на 34 глубинных полуструктурированных интервью, собранных в Гжельском сельском поселении в 2019 г. и в Москве в 2021—2023 гг. Материал структурирован с опорой на три метафоры, предложенные Аннет Маркхэм: интернет как инструмент, интернет как пространство и интернет как образ жизни. Использование метафор помогает сделать видимым значение интернета, которое ему придают пользователи. Метафоры инструмента и пространства появились в результате сравнения интернета с тем, что имеет реальное физическое воплощение. Метафора образа жизни фиксирует такое отношение к интернету, при котором интернет не выделяется в отдельную сферу. Автор приходит к выводу, что поль-

Abstract. The article presents the results of a study focused on attitude of young people aged 16 to 20 years old towards the Internet. The author notes that young people find themselves in a situation where the stages of expanding access have passed, and the Internet is gradually becoming part of an increasing number of social processes, — and analyzes situations of using the Internet and different attitudes towards it among young people.

The study is based on 34 in-depth semi-structured interviews collected in the Gzhel rural settlement in 2019 and in Moscow in 2021–2023. The material is structured based on three metaphors proposed by Annette Markham, namely: the Internet as a tool, the Internet as a space, and the Internet as a way of life. The use of the metaphors helps clarifying the meaning that users attach to the Internet. The metaphors of tool and space come from comparing the Internet to the real, physical world. The metaphor of the way of life captures an attitude towards the Internet where it is not identified as an isolated sphere. The author concludes that users only partially use the capabilities of the Internet, and young people define its meaning in the context of solving

зователи только частично используют возможности интернета, а его значение молодые люди определяют в контексте решения проблем, которые им кажутся наиболее важными и актуальными.

Ключевые слова: интернет, отношение к интернету, молодые пользователи, повседневные практики, метафоры интернета

Благодарность. Часть материала статьи собрана в рамках проекта «Трансформация медиасреды и практик медиапотребления и медиаиспользования в сельской местности России (кейс сельской агломерации Гжель Московской области)» (2019), поддержанного Программой Фонда образовательных инноваций в рамках проекта «Открываем Россию заново». В 2022 г. мы начали новый исследовательский проект «Цифровизация чтения в контексте актуальных исследований и образовательных практик», поддержанный Институтом медиа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Этот проект помог собрать эмпирическую базу статьи и способствовал развитию теоретической части исследования.

problems that seem to them the most important and relevant.

Keywords: Internet, attitudes towards the Internet, young users, everyday practices, Internet metaphors

Acknowledgments. The part of the material of the article was collected within the project “Transformation of the media environment and practices of media consumption and media use in rural areas of Russia (case of rural agglomeration Gzhel of the Moscow region)”, supported by the Program of the Educational Innovation Foundation within the framework of the project “Rediscovering Russia”. In 2022, we started a new research project “Digitalization of Reading in the Context of Current Research and Educational Practices”, supported by the Media Institute of the HSE University. This project helped to gather the empirical base of this article and contributed to the development of the theoretical part of this study.

Статья посвящена исследованию отношения молодых людей к интернету. По результатам наблюдений за тенденциями цифровизации общества эксперты отмечают: среди российских домохозяйств увеличивается доля имеющих доступ к интернету (в 2022 г. достигла 86,6 %, в 2010 г. была меньше 50 % (48,4 %)), при этом она постепенно сравнялась с долей имеющих доступ к высокоскоростному широкополосному интернету¹. Молодежь — наиболее активная часть пользовательской аудитории интернета²: месячный охват в этой социально-демографической груп-

¹ В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др. Индикаторы цифровой экономики (статистический сборник). М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/892389163.pdf> (дата обращения 25.04.2024).

² Аудитория интернета в 2022 году // Медиаскоп. 2023. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/3d8/qrlhud7t7dxyzw1rhtzxc3rwwk8deg7uk/2022_%D0%98%D0%9D%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%9D%D0%95%D0%A2.pdf (дата обращения: 10.07.2023). В данных компании Медиаскоп выделены возрастные группы 12—17 лет и 18—24 года.

пе составляет более 97 % населения. То есть почти все представители этой социальной группы имеют доступ к интернету и опыт его использования.

Распространенность и значимость интернета определили внимание к нему со стороны исследователей с разными подходами. К примеру, в отечественной науке широко представлены работы, в которых интернет рассматривается в контексте системы средств массовой информации. Постепенно это направление дополнялось и двигалось в сторону медиаисследований, в рамках которых ученые объединили подходы как российских школ, так и зарубежных исследователей [Коломиец, 2020]. В то же время интернет рассматривается учеными не только как технологический посредник (медиа), но и как самостоятельная и значимая технология в рамках такого направления, как исследования науки и технологий (STS), в многочисленных ответвлениях которого заметные позиции занимает социальное конструирование технологий (SCOT) [Бычкова, 2020].

В диссертации Полины Колозариди, посвященной интернет-исследованиям как направлению социальных наук, отмечается проблема междисциплинарности этого направления и двойственности предмета исследований, находящегося между двумя противоположными подходами — социальным конструктивизмом и социологическим детерминизмом [Колозариди, 2017: 5—6]. Парадоксальность интернета еще и в том, что он «не схватывается и требует дополнительного изучения, [оказывается] тем, что ускользает... Исследование этого постоянного изменения превращается в мониторинг, который необходимо все время проводить и который уже невозможен без участия самого интернета» [Колозариди, Макушева, 2018: 10]. «Выхватывая одну часть объекта, мы не замечаем соседние — и теряем из виду объект в целостности» [Колозариди, Юлдашев, 2021: 48].

По мнению Барри Веллмана, возможно выделить три периода интернет-исследований: 1) начало 1990-х годов связано с утопией социальных трансформаций; 2) конец 1990-х — с подсчетом пользовательской активности и статистики интернета; 3) 2000-е годы — обращение к фигуре пользователя, интернет становится персональным для каждого индивида [Wellman, 2004]. Несмотря на разнообразие подходов, рост значимости фигуры пользователя признают исследователи, придерживающиеся разных направлений. Например, по мнению Виктора Коломийца, актуальная рефлексия о медиа исходит из активной роли индивида в процессе коммуникационного взаимодействия: он равноправный автор символично-смыслового содержания [Коломиец, 2020]. Социальное конструирование технологий признает, что «пользователи „создают“ технологию не в меньшей степени, чем разработчики, переосмысляя идеи разработчиков так, чтобы решать свои проблемы» [Сафронов, 2020: 37].

Внимание к использованию интернета молодежью проявляют профессиональные социологические службы (ВЦИОМ, «Левада-Центр»³, ФОМ и др.), маркетинговые компании (ПОМИР, Deloitte, IPSOS, Brand Analytics), аналитические подразделения крупных компаний («Яндекс», VK). Опыт использования интернета молодежью интересен и академическим исследователям. Они изучают поколенческие характеристики медиапотребления [Медиапотребление «цифровой мо-

³ Российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции иностранного агента.

лодежи»..., 2021; Назаров, 2023] и особенности медиапотребления специфических типов контента [Логунова, Завгородняя 2022; Круглова, 2022], уделяют внимание новым возможностям технологии и ее рискам [бойд, 2020; Солдатов и др., 2022] и т. д.

Использование интернета — важный фактор цифрового развития, которое на современном этапе является определяющим для многих сфер жизни. Однако процесс этот многоаспектный. Исследователи выделяют такие проблемы, как цифровое неравенство, цифровые разрывы. Юлия Варламова описывает три уровня цифрового разрыва [Варламова, 2022]. Первый уровень предусматривает различия в доступе к цифровым технологиям, в основном в доступе к интернету. Доступ к технологии не означает ее автоматическое использование [там же: 54]. Начиная с 2002 г. исследователи цифрового неравенства стали выделять второй уровень цифрового разрыва, который предполагает разницу не только в доступе к цифровым технологиям, но и в их использовании индивидами. Попытки понять последствия использования интернета привели к выделению третьего уровня цифрового неравенства. Этот уровень, по сути, фиксирует взаимосвязь использования интернета с изменениями в разных сферах жизни. Выделение этого уровня связано с различными методологическими сложностями: как определять взаимосвязи разных сфер, как оценивать влияние в сложных системах. Но именно такой более целостный подход отражает суть цифровых изменений: они тесно связаны практически со всеми сферами жизни людей и для их понимания нужно сфокусироваться не только на технологических аспектах, но и изучать более широкий контекст.

Авторы концепции полимедиа Дэниэл Миллер и Мирка Мадриану много лет изучали, как люди в разных странах мира использовали медиа [Madianou, Miller, 2012; Miller, 2016a, 2016b]. Как они выяснили, разнообразие использования платформ вызвано социальным и культурным контекстом сообществ, их задачами [Мадриану, Миллер, 2018]. Исследователи предложили следующую трактовку концепта полимедиа: «Это среда, вырастающая из коммуникационных возможностей, функционирующая как „интегрированная структура“, внутри которой специфика каждого отдельного медиа определяется через отношение к контексту всех остальных медиа» [там же: 337]. Определяющим фактором возникновения полимедиа стал интернет. Основное напряжение системы возникает между возможностями, предлагаемыми технологиями, медиаплатформами, и мотивами, стимулами выбора, который делают пользователи. Концепция полимедиа объединяет разные подходы к пониманию интернета. Исследования прошли путь от фиксации распространенности технологии и того, как она используется, к попыткам понять, как интернет взаимосвязан с другими сферами и что значит интернет в реальной жизни реальных людей.

Наша работа опирается на глубинные интервью, собранные в нескольких исследовательских проектах. Мы изучали отношение молодежи к интернету. Отношение мы понимаем как систему суждений, ощущений и различные формы взаимодействия, которые в ракурсе нашего исследования представлены практиками использования интернета. В Социологическом энциклопедическом словаре в одном из значений термин «отношения» определен как «мысленное сопоставление

различных объектов или сторон этих объектов»⁴. Выражая свое отношение к интернету, наши информанты формулировали его характеристики, его ценность и смысл, то есть значение. Сложность предмета нашего исследования в том, что сопоставлять с интернетом можно очень многое, да и сам интернет — сложное и многогранное явление. Наши данные ограничены, а значит, ограничены и варианты суждений.

Изложить результаты изучения собранного материала мы попытались через метафоры, предложенные Аннет Маркхэм для концептуализации значений интернета: 1) интернет как пространство, 2) как инструмент и 3) как часть образа жизни [Markham, 2003]. Мы опирались на метафоры как на распространенный инструмент человеческого познания, который активируется при попытке понять новые и абстрактные явления [Puschmann, Burgess, 2014]. Академик Д. С. Лихачев отмечал, что метафора пытается видимое осмыслить невидимым, а невидимое — видимым [Лихачев, 1979].

Предложенным Маркхэм метафорам уже более 20 лет, но именно они стали базовым вариантом, на который исследователи опираются, предлагая новые подходы, и с которым сравниваются дальнейшие исследования [Markham, Tiidenberg, 2020]. В более поздний период исследовательница стала больше внимания уделять метафоре интернета как образа жизни, но для нашей работы метафоры пространства и инструмента тоже оказались важны. Карлос А. Сколари в обзоре изменения метафор в исследованиях медиа отмечает, что метафоры всегда сопровождают появление нового [Scolari, 2021]. По мнению Сколари, люди не просто выражают себя с помощью метафор, они через них конструируют мир. Далее мы попытаемся с помощью метафор посмотреть на то, как представляют свой мир наши информанты.

Описание методологии исследования и эмпирического материала

Фокус на молодежной аудитории обусловлен несколькими причинами. Во-первых, молодежь — самая активная возрастная группа интернет-пользователей: это относится и к распространенности технологии в этой среде (данные приведены выше), и к уровню навыков использования возможностей сети. Кроме того, как отмечают исследователи, «использование интернет-технологий в современных условиях выступает своеобразным индикатором социальной адаптивности и активности граждан: чем мобильнее человек, тем чаще ему требуется мобильный выход в виртуальное пространство. Чем ниже социальная адаптивность к новым жизненным условиям и пассивнее адаптивное поведение, тем ниже интернет-активность» [Шиняева, Полетаева, Слепова, 2019: 79]. Таким образом, фокус на молодежной аудитории дает нам возможность сконцентрироваться на масштабном, насыщенном опыте использования интернета. В предыдущих исследованиях мы изучали не только молодежную аудиторию [Петрова, Претер, 2022] и выяснили, что в более старших группах опыт использования интернета сильно фрагментирован.

В эмпирической базе данного исследования 34 полуструктурированных глубинных интервью, собранных в рамках трех этапов. В 2019 г. в экспедиции в Жель-

⁴ Социологический энциклопедический словарь. М.: ИНФРА М; Норма, 1998. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6556 (дата обращения: 26.02.2024).

ское сельское поселение⁵ мы исследовали медиапотребление сельских жителей. Для целей статьи мы отобрали из этой базы 13 интервью на основании возрастного критерия, разнообразия и насыщенности представленного в интервью опыта. В 2021 г. в рамках работы научно-исследовательского семинара «Исследования практик взаимодействия аудитории с медиа» в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» мы собрали 10 интервью, соответствующих целям данного исследования. Третий этап был проведен с декабря 2022 по март 2023 г. В его рамках было собрано еще 11 полуструктурированных глубинных интервью. Все интервью второго и третьего этапов проводились в Москве. Список информантов представлен в приложении к статье.

Все информанты в нашей базе относятся к социальной группе учащихся — это ученики старших классов средних школ, студенты колледжей и университетов, их возраст от 16 до 20 лет. Эти параметры рекрутинга не были заданы изначально: мы отобрали из первой волны все интервью с молодыми информантами, у которых был разнообразный, описанный подробно опыт взаимодействия с интернетом, и оказалось, что все такие информанты относились к группе учащихся. В следующих волнах мы специально включили в параметры рекрутинга возрастной диапазон и социальный статус. В данной статье при использовании цитат мы обозначали имя, возраст, социальный статус, информацию о том, где проводилось интервью, волну исследования. Имена информантов были изменены.

В гайде полуструктурированного интервью были выделены тематические блоки, посвященные повседневной жизни информантов, их медийным практикам, практикам использования интернета, отношению к интернету, технологиям, платформам и контенту. При этом нас прежде всего интересовало не столько то, что именно делают наши информанты в цифровой среде (с этой задачей гораздо лучше справятся исследователи, работающие с цифровыми данными), а что молодые люди фиксируют как свои интернет-практики, что запоминают, как относятся к ним, какое значение им придают. Отметим, что в эмпирическую базу в итоге вошли только те интервью, которые, на наш взгляд, получились и помогли в поиске ответов на поставленные исследовательские вопросы.

От идеи описать количественные характеристики интернет-практик мы отказались еще на первом этапе. Дело в том, что мы неоднократно имели возможность сравнить, как люди количественно оценивают, например, продолжительность использования смартфона с показателями, которые фиксирует само устройство. Из 17 таких сравнений только у троих респондентов показатели были близки. Дважды наши информанты отказались показать данные самого устройства («оставьте меня в моих иллюзиях», «это слишком личное, давайте вы поверите моему рассказу»). В итоге мы поняли, что в глубинных интервью имеем возможность зафиксировать не столько сами практики, сколько представление наших информантов о них, отношение к ним. В материале такого типа возможно схватить не фоновый

⁵ В 2019 г. Гжельское поселение было упразднено и вошло в состав Раменского городского округа. В экспедиции 2019 г. мы собрали материалы в поселке Гжель и селе Гжель, селе Речицы, деревнях Григорово и Глебово. Экспедиция проводилась в рамках проекта «Трансформация медиасреды и практик медиапотребления и медиаиспользования в сельской местности России (кейс сельской агломерации Гжель Московской области)» (2019), поддержанной Программой Фонда образовательных инноваций в рамках проекта «Открываем Россию заново».

опыт использования медиа, а смысловой, то есть тот, который информанты осознают и которому уделяют внимание.

Изначально мы не предполагали структурировать свое исследование с помощью метафор, опираясь на которые, Аннет Маркхэм описала значение интернета. Наш материал довольно четко структурировался в три смысловые группы, между которыми мы не нашли никаких явных различий в социальном статусе информантов. В этих группах смешивался опыт городских и сельских жителей, школьников и студентов, информантов женского и мужского пола. Однако смысловые границы выделялись довольно четко. В итоге именно описание через метафоры, на наш взгляд, точнее всего выразило специфику каждой из выделенных групп. В заголовке статьи мы использовали фразу нашей участницы, сказанную ей в конце интервью, на этапе концептуализации своего опыта и в ответ на реакцию интервьюера. Им было отмечено, что, судя по рассказу информантки, интернет появляется во всех важных сферах ее жизни и в самые важные моменты. Информантка согласилась с этим высказыванием и подытожила: *«Интернет там, где у меня пожар»*.

Интернет как инструмент

Метафору интернета как инструмента Аннет Маркхэм описывает через три образа: хранилище (container), протез (prosthesis), проводник (conduit). Все три образа мы можем проиллюстрировать на материале нашей эмпирической базы.

Хранилище

Интернет позволил стать цифровыми многим аналоговым практикам хранения. Наши респонденты хранят на облачных дисках текстовые файлы, фото, аудио- и видеоматериалы. Такие хранилища используются как для учебы и работы наших информантов, так и для личных целей (увлечения, семейный архив, медицинские документы и т. д.). Информанты отмечали, что интернет дал возможность сохранять важную для них информацию, но принципам ее систематизации они уделяют минимальное внимание. Интересно, что наряду с дисками компьютера, памятью телефона, облачными дисками в качестве площадок информанты также называли электронную почту, социальные сети и мессенджеры. Это не было продуманным решением, а скорее стало следствием отсутствия интереса к вопросам хранения, организации этого процесса. В итоге складывается ситуация, когда информации очень много, а воспользоваться ей становится все сложнее.

У меня сотни папок с фотографиями. Я просто сливаю туда все подряд, когда память телефона нужно почистить. Вот ни разу не пыталась что-то там найти. Мне как-то понадобилось свое лицо для одного проекта вставить, думала там поискать, но мы в итоге пошли на фоне стены меня сфоткали, вырезали и вставили. (Маргарита, 18 лет, студентка, Москва, 2 волна)

Случай одной из информанток иллюстрирует ситуацию, когда хранение контента связано с эмоциональным опытом. Интернет, обладающий огромными возможностями, может оказаться невостребованным, если не откликается на этот

эмоциональный опыт. Мама девушки каждый год школьной жизни своей дочери делала альбом. Собирала фотографии, оформляла их, делала смешные подписи. Альбомы хранятся в распечатанном виде, на фотографиях много школьных друзей девушки и школьных событий.

Я не очень люблю фотографировать, но даже у меня в телефоне сотни фото. А моя подруга вообще все фотографирует. Но когда мы со школьными подругами решили встретиться, ну, девичник такой, старушки собирались, они меня попросили именно альбомы привезти... В социальных сетях тоже иногда такие подборки делают с воспоминаниями, но это по-другому как-то... там случайные фото, а тут именно о нас. С теплой. Раньше меня мама лучше понимала... (Лариса, 20 лет, студентка, Москва, 3 волна)

С хранением информации связана еще одна важная тема — безопасность личных данных. Все информанты говорили, что это очень важный вопрос, он беспокоит их, но мало кто изменил свои привычные практики, чтобы обезопасить свои данные. Среди примеров, когда это все-таки было сделано: «скачал свои личные папки из облака, храню на внутреннем диске», «закрывает все профили в социальных сетях», «удалила фото», «блокирую всяких мутных людей». Информанты редко используют настройки платформ, которые призваны сделать пользовательский опыт более безопасным, гораздо чаще используют радикальные методы: удалить контент или профиль, заблокировать что-то. Между пониманием важности безопасного использования интернета и реальными практиками не хватает инструмента, который бы мог помочь сделать шаг от потребности к реальному опыту.

Протез

Осмыслить интернет как расширение или протез означает сосредоточиться на масштабировании возможностей человека. «Интернет позволяет людям вытягивать конечности и чувствовать большие расстояния, чтобы общаться с другими людьми» Markham, 2003: 3]. Такая физиологичность образов характерна не только для интернета, но и для других технологий. Маршалл Маклюэн отмечал: «Любое изобретение и любая технология представляет собой внешнюю проекцию, или самоампутацию, наших физических тел» [Маклюэн 2007: 54]. Развитие технологической инфраструктуры сопровождается последовательной «ампутацией» различных способностей человека. В то же время технологии дают возможность реализовать потребности человека, которые в иных условиях не могут быть реализованы. В таких случаях технология выступает как протез. Приведем несколько примеров из нашего эмпирического материала.

Старшеклассник рассказывал нам, что хотел бы чаще встречаться с друзьями, но в реальной жизни видеться получается редко, поэтому общаются в основном в интернете.

Мы с мамой из-за этого часто ссоримся. Она считает, что интернет — зло. Ничего хорошего там нет. «Надо реальной жизнью жить» [воспроизводит мамины голос и мимику].

— *Может, мама права?*

— *Ага (скептически). А вы видели мое расписание? Когда там с друзьями встречаться?*

А ночью меня все равно никто никуда не отпустит. Так что без вариантов. Хвала интернету! (Егор, 16 лет, школьник, сельское поселение Гжельское, 1 волна)

Еще один пример показывает, как интернет восполняет возможность общаться с отцом одной из наших информанток. Родители девушки в разводе. Мать категорически против личных встреч с отцом. По словам информантки, мать всегда очень эмоционально реагирует даже на обсуждение такой возможности, а общению в интернете не препятствует («ну, как бы и ладно, это все равно несерьезно»). В итоге девушка почти ежедневно переписывается с отцом в WhatsApp, отец и дочь отправляют друг другу голосовые сообщения, фото и видео.

Мне кажется, мы даже больше стали общаться. В нашей семье вообще не принято разговаривать друг с другом. Мы ходим и молчим, просто молчим или молчим недовольно. А сейчас я даже голос папы стала чаще слышать. (Ксения, 18 лет, студентка, Москва, 3 волна)

Анализируя такие примеры, на одном из этапов исследования мы сформулировали следующую рабочую гипотезу: компенсаторная природа взаимодействия с интернетом — то, что объединяет информантов. Используют интернет по-разному, но механизм вовлечения, выбора очень схож. Эта гипотеза частично была подтверждена нашими данными. Но на следующих этапах исследования мы убедились, что такого объяснения недостаточно⁶.

Проводник

В работе Аннет Маркхэм образ проводника означает технологию, перемещающую пользователя из одного места в другое [Markham, 2003]. Этому образу близок по значению образ дороги. В данном случае основное значение имеет не столько само пространство (об этом подробнее в следующей части), сколько возможность связи, движения от одного к другому. В нашей эмпирической базе эта метафора представлена, например, в интервью с информантами, которые находятся на границе разных этапов жизненного цикла. Под этапами/фазами жизненного цикла обычно понимают «качественно отличные периоды индивидуальной или групповой жизни по мере взросления человека, сопровождающиеся изменениями его роли и статуса» [Семенова, 2009: 19]. Исследователями подтверждено, что жизненный цикл является значимым фактором для субъективного благополучия людей [Кученкова, Татарова, 2019].

В нашей эмпирической базе есть, например, старшеклассники, планирующие поступление в университеты других городов, жители небольших населенных пунктов, которые хотят переехать в другие места. Такие информанты рассказывали, что в социальных сетях они подписаны и на группы, характерные для их нынеш-

⁶ Автор статьи благодарит за продуктивное обсуждение, конструктивную критику первой версии данного исследования сотрудников Европейского университета в Санкт-Петербурге декана факультета антропологии, кандидата социологических наук Анну Клепикову, доцента факультета антропологии, кандидата искусств Михаила Лурье, старшего научного сотрудника, кандидата исторических наук Елену Лярскую. Особую благодарность за подробный разбор примеров, ценные замечания автор выражает члену-корреспонденту РАН, профессору, доктору филологических наук Николаю Борисовичу Вахтину. Этот опыт помог значительно доработать исследование.

него статуса, и на те, к которым стремятся стать ближе. Эту особенность мы сначала тоже трактовали в контексте компенсаторных функций интернета: у людей нет возможности быть в желаемом месте или в желаемой социальной группе, и они достигают этого с помощью интернета. Но интервью, в которых тема раскрыта подробнее, позволили иначе увидеть эту проблему. Компенсаторные механизмы предполагают, что у наших информантов были какие-то возможности, а потом доступ к ним стал невозможен, но интернет сбалансировал это. Однако в рассматриваемых случаях дело не столько в компенсации, сколько в расширении возможностей.

В терминологии Аннет Маркхэм в таких ситуациях интернет приобретает значение не столько протеза, сколько проводника. Это целесообразно проиллюстрировать примерами из интервью со старшеклассниками. До наших встреч они уже заметили учебные заведения, в которые планируют поступать после окончания школы, вступили в соответствующие группы, наблюдают за беседами и иногда вступают в них, активно оставляют символы своих реакций. Все эти действия дают шанс представить себя среди студентов выбранных вузов и в итоге более точно определиться с выбором. Интернет расширяет возможности, становится тем проводником, который помогает пройти путь от одного жизненного этапа к другому.

Мы собрали более двух десятков историй о том, как наши информанты знакомились в интернете с новыми людьми и как развивали такие контакты. Среди этих историй есть и романтические знакомства, и деловые контакты, и поиск единомышленников, разделяющих общие интересы. Некоторые из них далее развивались вне виртуальной среды. Но важно и то, что значительную часть этого опыта информанты не хотели переносить за пределы цифровой среды. Его ценность была в возможности оставаться внутри цифровых границ.

Инф.: Если честно, я понял, что люди не хотят общения вживую. Однажды была такая вещь, что я разместил свой номер телефона в ВК, то есть буквально на два дня и написал типа: «Давайте встретимся, поговорим, пообщаемся». Мало людей кто позвонил. Даже, я вам так скажу, мне позвонил только друг, сказал о том, что тебя походу взломали, ты номер телефона поставил на страницу.

Инт.: Ну, кстати, хороший друг.

Инф.: Я просто так понял, что мы уходим все дальше в интернет. (Владимир, 18 лет, студент, сельское поселение Гжельское, 1 волна)

В приведенных примерах упомянутые значения интернета пересекаются с еще одной важной темой — публичными кругами общения, которые так важны для наших информантов. Д. бойд в таком случае использует термин «публики», которые, на ее взгляд, представляют собой «воображаемую общность, возникшую в результате пересечения людей, технологий и практики» [бойд, 2020: 30]. Наши информанты не используют термин «публики», так же как и термин «сообщество», хотя проблематика общности, социальных связей доминирует во всех интервью. Д. бойд описывает публики и как пространства, построенные с помощью сетевых технологий. Мы же отнесли эти примеры к части, посвященной значению интернета как инструмента. Мы шли в данном вопросе за участниками исследования.

В самих интервью главный фокус, основное напряжение были связаны с социальной ситуацией (например, отношения с родителями, предстоящий переезд и т. д.), именно это волновало наших информантов. Интернет становился инструментом внутри этой социальной конструкции. Это похоже на соотношение фигуры и фона, применяемое в когнитивных науках. Одна и та же ситуация может выглядеть иначе при изменении фокуса нашего внимания и восприятия.

В следующей части мы рассмотрим кейсы, в которых, на наш взгляд, более ярко выделялось отношение к интернету как к пространству.

Интернет как пространство

Эта метафора одна из самых устойчивых и распространенных и в зарубежном, и в российском академическом дискурсе. Как отмечают исследователи, «даже само использование слова „интернет“ в обыденной речи часто строится на онтологической метафоре „пространства“: есть вещи, происходящие „в интернете“, есть вещи, происходящие „в реальности“, интернет — принципиально другое пространство, нежели пространство наших физических действий» [Колозариди, Макушева, 2018: 6]. Пространство существует там, где есть участник и наблюдатель социальных взаимодействий. Оно всегда социальное пространство, которое создается и может быть расшифровано и прочитано [Lefebvre, 1991]. Социальное пространство «с точки зрения пространства тел и мест тел оказывается метафорой» [Филиппов, 2008: 52]. Исследователи, как правило, понимают пространство как более широкую категорию, а место — как более конкретную, пространство также возможно определить как совокупность мест [Филиппов, 2008; Колозариди, 2014; Трегубова, 2020]. Уникальная идентичность в сочетании с разными местами внутри места взаимодействия (социальная сети, компьютерные игры, платформы для дистанционных встреч и т. д.) делают метафору пространства применимой к интернету.

В одном из исследований были проведены интервью с 16 студентами университетов с целью понять, какие пространственные метафоры они используют, когда говорят о своем онлайн-опыте. Затем ученые сравнили эти данные с теми, что были получены в схожем исследовании, проведенном в более ранний период. Авторы работы пришли к выводу, что студенты по-прежнему представляли виртуальный мир как отдельное место, куда они «ходят», хотя в более поздний период информанты использовали меньший объем пространственной лексики для описания интернета по сравнению с респондентами в 1990-х годах [Matlock et al., 2014].

Пространственная метафора интернета оказалась распространенной и в собранном нами эмпирическом материале. В пограничных ситуациях, которые возможно понять в контексте разных метафор, к части о пространственных метафорах мы относили следующие характеристики: прямое сравнение интернета с пространством, местом, территорией и т. д., использование пространственной лексики в описании ситуации (*ставить, протянуть, переехать* и т. д.), сопоставление с физической сферой (*палитра широкая — от дома до большой помойки*), описание, которое схоже с описанием физического мира (перенос представлений). Во всех интервью из нашей эмпирической базы встречалась хотя бы одна из этих характеристик. На наш взгляд, пространственная метафора является базовой для

формулирования отношения к интернету. В наших примерах мы попытались понять, что именно она означает.

В период пандемии интернет дал возможность расширить пределы физического пространства. Так, одна из информанток рассказывала об опыте празднования дня рождения подруги в период строгого локдауна. Все друзья встретились на одной из платформ, поставили один и тот же фон для своих профилей, включили музыку, приготовили похожую еду.

Инф.: Потусили немножко, даже какие-то шутки классные были, поздравили.

Инт.: А ты хотела бы и дальше так отмечать дни рождения?

Инф.: Никогда в жизни! Вы бы знали, как я бежала на реальную встречу, когда нас все-таки выпустили. (Вика, 20 лет, студентка, Москва, 3 волна)

Еще один ракурс понимания значения интернета через пространство оказался тесно связан с темой приватности наших информантов. Исследователи отмечают, что категория приватности в принципе значительно трансформировалась в интернете [Колозарида, Макушева, 2018]. Все информанты активно использовали социальные сети. В интервью выяснилось, что у большинства из них есть несколько профилей в социальных сетях, в каждом случае они образуют свою систему, в которой пытаются настроить разные режимы приватности. К примеру, один из вариантов — профили, которые видны родителям, и профили, скрытые от них. В двух случаях информанты обсудили это с родителями и вместе пришли к такому решению, но все остальные информанты не стали рассказывать родителям о таком опыте.

Мама у меня вечно всего боится. Она подписана на один мой аккаунт. Я там даже матом не ругаюсь. Если уж очень все х***, туда не пишу. Потом перебешусь, успокоюсь, а она еще будет названивать, меня спасать. (Лера, 18 лет, студентка, Москва, 2 волна)

Инф.: Я раньше проще к этому относилась. Но сестра, которая есть у меня в друзьях, наядбедничала моему деду про мои фотографии. Ну, дед в этом вообще ничего не понимает, для него разместить фотографии в купальнике — это все равно что голый по нашему поселку пройти. Разругались мы с ним сильно. Сестру я удалила, профиль закрыла.

Инт.: А как потом, наладились отношения с дедом, сестрой?

Инф.: Да забылось это уже. Я учиться уехала. Но я вообще по-другому к интернету стала относиться. Нет там безопасности. (Светлана, 18 лет, студентка, сельское поселение Гжельское, 1 волна)

Когда отец зарегистрировался в социальных сетях, я вообще хотел отовсюду удалиться. Но потом остыл, почистил свой профиль и сделал еще новый закрытый. Он теперь у меня основной. (Федор, 19 лет, студент, Москва, 2 волна)

Информанты отмечали, что разные аккаунты позволяют точнее структурировать аудиторию («для каждого свое пространство»), достичь большей приватности, которая имеет важное значение для наших информантов. Большую безопасность

они ощущают там, где нет или мало знакомых («меньше вопросов к моим действиям», «нет людей, которые за тебя волнуются», «ты не связан рамками своей семьи, универа, образа»). Информанты, как правило, понимают, что в социальных сетях создается определенное впечатление о человеке, пытаются управлять этим процессом. Одна из информанток рассказала нам, что, когда она искала работу, было одно очень ценное предложение.

Это такой уровень был. Я для них специально даже профиль в ВК создала. Вылизала там все идеально. Я бы сама себя на работу взяла после такого профиля. (Марина, 20 лет, студентка, Москва, 3 волна)

И на более раннем, сельском, этапе, и в материале московских волн исследования очевидно, что для информантов важен и актуален разговор о взаимосвязи интернет-практик и реального жизненного опыта. При этом информанты осознают специфику интернет-среды и ищут формулировки, образы, метафоры, выражающие это.

Все-таки общение в интернете — это другое... Ты не видишь этого человека, ты как будто за перегородкой. То есть ты как будто в стеклянном куполе, за которым тебя человек как бы, в принципе, обидеть не сможет. В принципе ты сможешь сказать ему что угодно. Мне почему-то легче свои мысли объяснить, даже ссориться мне там легче. Как-то это все не так остро, всегда можно просто выключить телефон. Я, правда, так никогда не делала. Но ведь можно же... (Дарья, 17 лет, студентка, сельское поселение Гжельское, 1 волна).

Несколько иной ракурс пространственной метафоры интернета появился в одном из интервью со старшеклассником. Молодой человек рассказал нам, что очень хотел бы поехать в Данию, но пока нет такой возможности, часто «гуляет» в Google-картах.

Инф.: Я, честно сказать, не знаю, когда смогу туда попасть. Мы когда ездили с папой, я еще мало знал об этой стране. Тогда просто понравилось. Сейчас бы уже каждая улица для меня как родная была.

Инт.: Потому что читаешь об этом много?

Инф.: Да, читаю. Но я еще в Google Maps гуляю. Вот реально все закоулки прошел. (Игорь, 16 лет, школьник, Москва, 2 волна)

На первом этапе исследования нам казалось, что эта история хорошо иллюстрирует нашу гипотезу о компенсаторной функции интернета. Мы рассуждали так: информант не может поехать в страну, которой интересуется, интернет компенсирует эту возможность. Но желание нашего информанта было основано не на рациональной необходимости, а скорее на эмоциональном интересе. Мы не исключаем, что интерес нашего информанта сформирован под влиянием скандинавского стиля в том его варианте, который оказался популярен в интернет-среде (об этом подробнее см. [Колпинец, 2022]). В интервью информант рассказал о своем инте-

ресе к скандинавской литературе. На его аватаре в социальной сети стояло фото немецкого художника Каспара Давида Фридриха «Мечтатель». Картина относится к числу произведений романтизма.

Компенсаторная функция возникает из потребности человека в переживании, которых ему в силу каких-либо причин не хватает. В таком ракурсе в ситуации нашего информанта выбранная страна интересует его не столько как физическое пространство, в которое он хотел бы переместиться, сколько как контекстуальное, смысловое пространство, в котором создаются возможности для переживания недостающего опыта. Таким образом, наша изначальная идея о компенсаторных возможностях интернета частично нашла в этой истории подтверждение. Но механизмы оказались не столь очевидными, как нам представлялось на первом этапе.

Французский эстетик М. Дюфрен считал, что искусство обладает утешительно-компенсаторной функцией. Оно призвано иллюзорно восстанавливать в сфере духа гармонию, утраченную в реальности [Дюфрен, 1991]. Если учесть, что интернет дает возможности творческого отражения действительности, то, вероятно, на интернет возможно посмотреть не только в контексте медиа, технологии, но и в контексте подходов к пониманию сферы искусства. А компенсаторный механизм как раз является основой этой взаимосвязи. Мы снова и снова возвращались к эмпирическому материалу, пытались понять, возможно ли развить эту идею. Но в нашем исследовании она была сформулирована уже на заключительном этапе, и собранных данных оказалось недостаточно, чтобы продвинуться в понимании этой темы. Однако нам бы хотелось зафиксировать ее — возможно, для дальнейшей научной дискуссии.

Наши данные подтверждают, что пространственная метафора по-прежнему является базовой, опыт, связанный с интернетом, осмысливается через сопоставление с физическим миром, но границы этого значения иногда трудноразличимы и смещаются в сторону представлений об интернете как части образа жизни.

Интернет как часть образа жизни

Эта метафора фокусируется в первую очередь на «я» индивида и на том, как это «я» взаимодействует с миром и придает ему смысл. Можно представить ситуацию, когда пользователи, контактирующие с различными технологиями, склонны воспринимать жизнь и технологию в одном и том же плане, не проводя между ними больших различий, концептуализируя жизнь как опосредованную интернетом [Маркхэм, 2003]. Исследователи отмечают, что медиа стали бесконечно переплетаться со всеми способами бытия, движения и действия, не заменяя при этом мир живого опыта [Deuze, 2012; Ловинк, 2019].

Проанализировав письменные ответы 171 респондента в Великобритании, Марина Декавалла пришла к выводу, что метафоры интернета как пространства и как инструмента по-прежнему актуальны. Однако были также свидетельства того, что метафора образа жизни спонтанно появлялась в ответах и использовалась наряду со старыми общепринятыми метафорами. По мнению исследовательницы, это может указывать на переходный период, когда сосуществует множество различных обозначений для выражения разнообразного опыта людей в виртуальном мире [Dekavalla, 2022].

Использование интернета создало новые комбинации практик. Теперь совмещаются не только офлайн- и онлайн-практики, но и несколько онлайн-практик могут создавать свои сочетания. Например, в одном из наших интервью информантка рассказала, что любит готовить домашнее задание (на ноутбуке) под фоновую музыку (через «умную» колонку). На ноутбук специально не ставила Telegram, чтобы не отвлекаться. Поэтому телефон всегда рядом и периодически информантка обращается к нему, чтобы проверить сначала Telegram, а потом и другие мессенджеры и социальные сети.

Наши информанты рассказывали, что использовали смартфон в дороге, во время приема пищи, на занятиях и на работе, на прогулках и в спортивных центрах, на концертах и вечеринках. Смартфон встроен практически во все повседневные практики: от покупок (онлайн-заказы, обсуждение с подругой, покупать ли конкретную вещь) до контроля сна и состояния здоровья (различные трекары). Метафора образа жизни, по сути, фиксирует важный момент в отношении к интернету. Все сложнее отделить интернет-практики от другой деятельности. В наших интервью для того, чтобы узнать это, необходимо было уточнять, как именно осуществлялась та или иная практика. Информанты, как правило, рассказывают о своем опыте без упоминания гаджетов, интернета, платформ и т. д. В наших предыдущих исследованиях ситуация несколько отличалась [Давыдов, Логунова, Петрова, 2020; Кирия и др., 2021; Петрова, Претер, 2022]. К примеру, для информантов старшего возраста было важно подчеркнуть, что они активно пользуются интернетом, это позволяло им чувствовать себя «продвинутыми». В эмпирическом материале этой статьи таких примеров было несколько: интервью с информантом, который настроил в своей квартире функционал «умного» дома, интервью с информанткой, которая тщательно следит за своим питанием с помощью мобильных приложений, и интервью с обладателем «умных» часов, который подробно раскритиковал их работу. Мы сталкивались с тем, что информанты склонны преуменьшать свой опыт использования медиа. Особенно когда обсуждаются компьютерные игры и социальные сети.

Инт.: А, может быть, в «Dota» играешь, например?

Инф.: Все, поймали. Да, играю, да.

Инт.: А чем нравится?

Инф.: Тактика, стратегия, но, правда, из-за того что комьюнити бывает токсичным, иногда хочется опустить руки и перестать играть, но потом, допустим, заходишь в другую игру — и ребята там вроде нормальные, общаетесь, даже дружите (вот так, кстати, друзей нахожу в Москве посредством игр). Мы можем собраться, о чем-то долго говорить и, в принципе, вот так я в основном и ищу знакомства — через игры. (Савва, 16 лет, школьник, сельское поселение Гжельское)

В приведенной цитате видно, как переплетается несколько практик: специфическая практика онлайн-игр оказывается интересной не только сама по себе, но и в сочетании с возможностью офлайн-встреч. Игра, как и в прежние времена, создает ситуацию общности и становится катализатором социальных контактов, которые имеют важное значение для молодых людей.

В своем исследовании Марина Декавалла отмечает, что метафора интернета как образа жизни спонтанно появилась в 64 % ответов (метафоры инструмента и пространства встречались почти во всех ответах) [Dekavalla, 2022]. Это происходило без каких-либо подсказок в вопросах. Исследовательница считает, что произошел сдвиг в дискурсе: интернет занял место незаметного посредника в повседневных делах, и, следовательно, у него нет специальных обозначений. Присутствие интернета в практиках респондентов не осознается ими и не имеет обособленных формулировок.

В интервью мы интересовались и офлайн-, и онлайн-практиками, то есть фокус был не исключительно на онлайн-среде, а на том, что важнее всего для информантов и о чем они готовы говорить. Метод глубинных полуструктурированных интервью давал нам возможность уточнять, как именно устроена практика. В первом тематическом блоке интервью мы задавали вопросы о повседневной жизни информантов, и уже на этом этапе стало понятно, что мы имеем дело с нерелексируемой гибридной средой. К примеру, утро нашей информантки начинается со звука будильника, затем она общается со своим молодым человеком. Далее оказывается, что молодой человек живет в другом городе, они уже месяц не виделись офлайн и все общение исключительно цифровое. В другом интервью информант рассказал, что вчера вечером у него была сложная контрольная работа в университете. *«Я с утра начал кричать всем, чтобы сбросили конспекты, я одну тему так и не смог найти»*, — отметил наш информант. Оказалось, что «кричать» означало написать сообщение в общем чате группы. То есть физически информант не произнес ни звука, его практика была цифровой, но репрезентировалась она в традиционной формулировке, характерной для ситуации.

Сложность метафоры образа жизни в том, что она фиксирует такое отношение к интернету, при котором интернет не выделяется в отдельную сферу. В нашем эмпирическом материале оказалось немного примеров метафоры образа жизни. Метафоры инструмента и пространства появились в результате сравнения интернета с тем, что имеет реальное физическое воплощение. Это наиболее распространенные метафоры, на которые опираются исследователи, и они характерны для этапов расширения доступа к интернету. Для характеристики систем, в которых доступ к интернету близок к максимальным значениям и технические параметры находятся на высоком уровне, больше подходит метафора образа жизни. Но как отмечено в начале статьи, в России только недавно такие возможности получили охват, близкий к максимальному. Возможно, в дальнейшем метафора образа жизни может быть представлена более масштабно. Но чтобы это зафиксировать, исследователям предстоит еще больше внимания обратить на методологию: как спросить, чтобы выявить роль интернета в ответах информантов, когда они не разделяют онлайн и офлайн, и при этом не разрушить драматургию глубинного интервью постоянными уточнениями. В рамках нашего исследования мы искали такой баланс, во многом его удалось достичь, но доработка инструментария еще будет продолжаться.

Выводы

Особенность выбранного метода (полуструктурированных глубинных интервью) позволила нам не только фиксировать практики и их сочетания, но и попытаться

ся понять, какими смыслами наши информанты наделяют интернет. Исследователям хорошо известна сложность, многоаспектность интернета, но что из этого множества имеет значение для пользователей? Это тем более важно, поскольку интернет дал пользователям возможности быть авторами, принимать участие в создании и развитии контента и технологий.

Молодые люди, у которых мы брали интервью, оказались в ситуации, когда пройдены этапы расширения доступа к интернету и масштабирования практик. Интернет стал частью их повседневной жизни и продолжает расширять свое присутствие на все большее число важных социальных процессов. Этот уровень, по сути, фиксирует взаимосвязь интернета с изменениями в разных сферах жизни. Умелое использование интернета означает большие шансы на эффективное развитие, поэтому те, кто стремится к нему, неизбежно вовлекаются в данный процесс.

Собрав глубинные интервью, мы получили данные о разном опыте использования интернета. Структурировать материал получилось с опорой на метафоры, которые помогают пользователям выразить значение интернета в их жизни. Наиболее точно пользовательский опыт наших информантов соответствовал метафорам, предложенным Аннет Маркхэм: интернет как инструмент, интернет как пространство и интернет как образ жизни. Мы столкнулись с рядом методических трудностей, связанных с тем, что информанты редко разделяют офлайн- и онлайн-практики, смешивая разнообразие варианты и создавая гибридные системы. В итоге частично удалось решить эту проблему, уточняя структуру практик, конкретизируя их с помощью дополнительных вопросов.

Мы предполагали, что для интернета характерна компенсаторная функция, но смогли подтвердить это частично. Было выяснено, что интернет может не только заменять утраченное или компенсировать то, что недоступно в реальной жизни, он еще и расширяет число вариантов, дает возможности их перебора, создает новые практики, которые могут как образовывать разные сочетания с тем, что не связано с интернетом, так и оставаться только в цифровом виде.

Когда результаты исследования были сформулированы, оказалось, что они отличаются от результатов другой работы, в которой с опорой на метафоры изучалось развитие интернета в России. Авторы, исследовавшие отношение к интернету российских новаторов (то есть тех, кто раньше других столкнулся с ним, внес вклад в его развитие), пришли к выводу, что метафоры, на которые мы опирались, не подходят для понимания опыта взаимодействия с интернетом [Kolozaridi, Shchetvina, Tiidenberg, 2020]. На первый взгляд может показаться, что наши исследования противоречат друг другу. Можно предположить, что причина столь разных результатов связана с пресловутыми рисками качественной методологии — интервью у других информантов, возможно, дали бы иные результаты. Но мы считаем, что дело в другом. Интернет дал пользователям возможность стать авторами контента, создателями своей индивидуальной системы информации, а авторам и создателям — быть в позиции пользователей, как бы уравнивая эти позиции. Но это не означает, что смысл интернета для тех и других одинаковый. С позиции новаторов исследователи увидели интернет как прогрессивную привилегию для небольшой группы профессионалов, которая объединяла людей и сопричастность к которой они ощущали. Молодыми пользователями же интернет понимался как

способ сбалансировать, а иногда масштабировать их социальный опыт в контексте пространства, инструментов и образа жизни. Интернет дал схожие возможности и новаторам, и пользователям, но означает для них разное. В исследовании выяснено, что молодые люди используют интернет «там, где пожар», то есть с помощью интернета решают те проблемы, которые им кажутся наиболее важными и актуальными, а для фиксации значения самого интернета оказалось достаточно базовых метафор.

Список литературы (References)

бойд д. Все сложно. Жизнь подростков в социальных сетях / пер. с англ. Ю. Каптуревского. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2020.

boyd d. It's Complicated. The Social Lives of Networked Teens. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Бычкова О. Исследование науки и технологий (STS): чему научили нас за 50 лет? // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 3. 7—21. <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2020-13001>.

Bychkova O. (2020) The STS Field: What Have They Taught Us in 50 Years? *Sociology of Science and Technology*. Vol. 11. No. 3. 7—21. <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2020-13001>. (In Russ.)

Варламова Ю. А. Межпоколенческий цифровой разрыв в России // Мир России. 2022. Т. 31. № 2. С. 51—74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74>.
Varlamova Yu. A. (2022) The Intergenerational Digital Divide in Russia. *Universe of Russia*. Vol. 31. No. 2. P. 51—74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74>. (In Russ.)

Давыдов С. Г., Логунова О. С., Петрова Е. В. Особенности потребления интернета в российских селах // Блокнот медиасоциолога / сост. С. Г. Давыдов. М.: ВЦИОМ, 2020. С. 270—290.

Davydov S., Logunova O., Petrova E. (2020) Features of Internet Consumption in Russian Villages. In: *Notebook of a Media Sociologist*. Moscow: VCIOM. P. 241—249. (In Russ.)

Дюфрен М. Кризис искусства // Западноевропейская эстетика XX в. М.: Знание, 1991.
Dufrenne M. (1991) The Crisis of Art. *Western European aesthetics of the 20th century*. Moscow: Znaniye. (In Russ.)

Кирия И., Чумакова В., Новикова А., Качкаева А., Петрова Е. Зачарованное место. Медиапотребление, медиаграмотность и историческая память сельских жителей. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2021.

Kiriya I., Chumakova V., Novikova A., Kachkaeva A., Petrova E. (2021) Enchanted Place. *Media Consumption, Media Literacy and Historical Memory of Rural Residents*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Колпинец К. Формула грез. Как соцсети создают наши мечты. М.: Individuum, 2022.
Kolpinez K. (2022) Dream Formula. *How Social Media Creates Our Dreams*. Moscow: Individuum.

Колозариди П. В., Юлдашев Л. О. Что такое интернет? Опыт разведывательно-го исследования в области Internet studies // Новое время, новое поле: меняющийся мир качественных исследований и новые технологии. СПб. : Алетейя, 2021. С. 48—76.

Kolozaridi P., Uldashev L. (2021). What is the Internet? Intelligence Research Experience in the Field of Internet Studies. In: *New Time, New Field: The Changing World of Qualitative Research and New Technologies*. Sant Petersburg: Aletheia. P. 48—76. (In Russ.)

Колозариди П. В., Макушева М. О. Интернет как проблемное поле социальных наук // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 1—11. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.01>.

Kolozaridi P.V., Makusheva M. O. (2018) The Internet as a Problematic Field of Study in Social Sciences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 1—11. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.01>. (In Russ.)

Колозариди П. В. Интернет-исследования как направление социальных наук: теоретико-методологический анализ: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. Kolozaridi P.V. (2017) Internet Research as a Direction of Social Sciences: Theoretical and Methodological Analysis: Abstract. Diss. ... cand. sociol. sciences. Moscow: HSE University.

Колозариди П. В. Чем онлайн отличается от оффлайна и какой теоретический смысл есть в этом различии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. № 7. С. 117—123.

Kolozaridi P.V. (2014) How Does Online Differ from Offline and What Is the Theoretical Meaning of This Difference? *Interaction. Interview. Interpretation*. No. 7. P. 117—123. (In Russ.)

Коломиец В. П. Медиатизация медиа. М.: Издательство Московского университета, 2020.

Kolomiec V. P. (2020) Mediatization of Media. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)

Круглова Л. А. Аудиовизуальное медиапотребление цифрового поколения: тренд на глубокое прослушивание в условиях пандемии // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 77. С. 241—249. <https://doi.org/10.17223/19986645/77/12>.

Kruglova, L.A. (2022) Audiovisual Media Consumption of the Digital Generation: The Trend Towards Deep Listening in the Pandemic. *Tomsk State University Journal of Philology*. No. 77. P. 241—249. <https://doi.org/10.17223/19986645/77/12>. (In Russ.)

Кученкова А. В., Татарова Г. Г. «Этап жизненного цикла» как детерминанта субъективного благополучия личности // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 30—43.

Kuchenkova A., Tatarova G. (2019) «Life-Cycle Stage» as a Determinant of Personal Subjective Wellbeing. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 8. P. 120—132. (In Russ.)

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979.

Lihachev D. S. (1979) Poetics of Old Russian Literature. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Ловинк Г. Критическая теория интернета. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019.

Lovink G. (2019) *Critical Theory of the Internet*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Логунова О. С., Завгородняя П. М. Конструирование образа микроселебрити в Instagram*: анализ пользовательского опыта // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 1. С. 106—122. <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.1.5>.

Logunova O. S., Zavgorodniaia P. M. (2022) Constructing the Image of Microcelebrity on Instagram*: Analyzing User Experience. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 1. P. 106—122. <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.1.5>. (In Russ.)

Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007.

McLuhan M. (2007) *Understanding Media: The Extensions of Man*. Moscow: Giperbo-reya, Kuchkovo Pole. (In Russ.)

Мадяну М., Миллер Д. Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении / пер. с англ. А. Пауковой, В. Чумаковой // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 334—356. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.17>.

Madianou M., Miller D. (2018) Polymedia: Towards a New Theory of Digital Media in Interpersonal Communication. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 334—356. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.17>. (In Russ.)

Медиапотребление «цифровой молодежи» в России / под ред. Д. В. Дунаса. М.: Издательство Московского университета, 2021.

Dunas D. V. (ed.) (2021) *Media Consumption of “Digital Youth” in Russia*. Moscow: Moscow State University. (In Russ.)

Назаров М. М. Медиа: Аудиторные тренды. Человек в современной российской медиасреде. М.: ЛЕНАНД, 2023.

Nazarov M. (2023) *Media: Audience Trends. Man in the Modern Russian Media Environment*. Moscow: Lenand. (In Russ.)

Петрова Е. В., Претер В. П. Советский телезритель в постсоветское время: портрет в сельской среде // Антропологический форум. 2022. № 54. С. 11—36. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-54-11-36>.

Petrova E., Preter V. (2022) The Soviet TV Viewer in the Post-Soviet Period: Portrait in a Rural Environment. *Antropologicheskij forum*. No. 54. P. 11—36. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-54-11-36>.

Сафронов А. В. Компьютеризация управления плановой экономикой в СССР: проекты ученых и нужды практиков // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 3. С. 22—41.

Safronov A. V. (2020) Computerization of the Planned Economy in the USSR: Projects of Scientists and the Needs of Practitioners. *Sociology of Science and Technology*. Vol. 11. No. 3. P. 22—41. (In Russ.)

Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009.

Semenova V. (2009) *Social Dynamics of Generations: Problem and Reality*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Солдатова Г., Рассказова Е., Вишнева А., Теславская О., Чигарькова С. *Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие*. М., 2022.

Soldatova G, Rasskazova E., Vishneva A, Teslavskaya O., Chigarikova S. (2022) *Born Digital: Family Context and Cognitive Development*. Moscow. (In Russ.)

Трегубова Н. Д. Транснациональный мигрант в интернете: теоретические основания исследования транснационализма в режиме онлайн // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 2. С. 405—419. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1637>.

Tregubova N. D. (2020) Transnational Migrants in the Internet: Theoretical Foundations for Studying Transnationalism Online. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 405—419. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1637>. (In Russ.)

Филиппов А. Ф. *Социология пространства*. СПб.: Владимир Даль, 2008.

Filippov A. F. (2008) *Sociology of Space*. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)

Шиняева О. В., Полетаева О. В., Слепова О. М. Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 4. С. 68—85. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.04>.

Shinyaeva O. V., Poletaeva O. V., Slepova O. M. (2019) Information and Digital Inequality: Searching for Effective Population Adaptation Practices. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 68—85. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.04>.

Deuze M. (2012) *Media Life*. Cambridge: Polity Press.

Lefebvre H. (1991) *The Production of Space*. Oxford: Blackwell.

Dekavalla M. (2022) Metaphors of the Virtual: How Ordinary People Frame What the Internet Is. *Social Semiotics*. <https://doi.org/10.1080/10350330.2022.2144203>.

Kolozaridi P, Shchetvina A., Tiidenberg K. (2020) No Country for IT-Men: Post-Soviet Internet Metaphors of Who and How Interacts with the Internet. In: Markham A. N., Tiidenberg K. (eds.) *Metaphors of Internet Ways of Being in the Age of Ubiquity*. New York, NY: Peter Lang. P. 221—233.

Markham A. N. (2003) *Metaphors Reflecting and Shaping the Reality of the Internet: Tool, Place, Way of Being*. (Unpublished manuscript) Presented at the 4th annual CONFERENCE of the INTERNATIONAL Association of Internet Researchers (AoIR), Toronto.

Markham A. N., Tiidenberg K. (eds.) (2020) *Metaphors of Internet Ways of Being in the Age of Ubiquity*. New York, NY: Peter Lang.

Matlock T., Castro S., Fleming M., Gann T., Maglio P. (2014) Spatial Metaphors of Web Use. *Spatial Cognition & Computation*. Vol. 14. No. 4. P. 306—320.

Madianou M., Miller D. (2012) *Migration and New Media: Transnational families and Polymedia*. London: Routledge.

Miller D. (2016a) *Social Media in an English Village*. London: UCL Press.

Miller D. (2016b) *How the World Changed Social Media*. London: UCL Press.

Puschmann C., Burgess J. (2014) Metaphors of Big Data. *International Journal of Communication*. Vol. 8. P. 1690—1709.

Scolari C. A. (2021). In Media(tization) Studies We Love Metaphors. In: Valdettaro S. (ed.) *Mediatization(s) Studies*. Rosario: UNR Editora. P. 122—148.

Wellman B. (2004) The Three Ages of Internet Studies: Ten, Five and Zero Years Ago. *Newmedia & Society*. Vol. 6. No. 1. P. 123—129. <https://doi.org/10.1177/1461444804040633>.

Приложение. Список информантов

Номер	Имя	Пол	Возраст	Статус	Место проведения интервью	Этап исследования
1	Алина	Ж	18 лет	Студентка	сельское поселение Гжельское	1 волна
2	Людмила	Ж	17 лет	Студентка	сельское поселение Гжельское	1 волна
3	Михаил	М	16—17 лет	Студент	сельское поселение Гжельское	1 волна
4	Светлана	Ж	18 лет	Студентка	сельское поселение Гжельское	1 волна
5	Владимир	М	18 лет	Студент	сельское поселение Гжельское	1 волна
6	Дарья	Ж	17 лет	Студентка	сельское поселение Гжельское	1 волна
7	Егор	М	16 лет	Школьник	сельское поселение Гжельское	1 волна
8	Марина	Ж	17 лет	Студентка	сельское поселение Гжельское	1 волна
9	Анна	Ж	18 лет	Студентка	сельское поселение Гжельское	1 волна
10	Иван	М	18 лет	Студент	сельское поселение Гжельское	1 волна
11	Савва	М	16 лет	Школьник	сельское поселение Гжельское	1 волна
12	Кристина	Ж	19 лет	Студентка	сельское поселение Гжельское	1 волна
13	Вероника	Ж	19 лет	Студентка	сельское поселение Гжельское	1 волна
14	Лера	Ж	18 лет	Студентка	Москва	2 волна
15	Федор	М	19 лет	Студент	Москва	2 волна
16	Игорь	М	16 лет	Школьник	Москва	2 волна
17	Надежда	Ж	17 лет	Школьница	Москва	2 волна

Номер	Имя	Пол	Возраст	Статус	Место проведения интервью	Этап исследования
18	Маргарита	Ж	18 лет	Студентка	Москва	2 волна
19	Софья	Ж	19 лет	Студентка	Москва	2 волна
20	Александр	М	20 лет	Студент	Москва	2 волна
21	Юлия	Ж	17 лет	Школьница	Москва	2 волна
22	Полина	Ж	20 лет	Студентка	Москва	2 волна
23	Наталья	Ж	19 лет	Студентка	Москва	2 волна
24	Ксения	Ж	18 лет	Студентка	Москва	3 волна
25	Вика	Ж	20 лет	Студентка	Москва	3 волна
26	Николай	М	16 лет	Школьник	Москва	3 волна
27	Максим	М	19 лет	Студент	Москва	3 волна
28	Марина	Ж	20 лет	Студентка	Москва	3 волна
29	Лариса	Ж	20 лет	Студентка	Москва	3 волна
30	Виктор	М	20 лет	Студент	Москва	3 волна
31	Варвара	Ж	20 лет	Студентка	Москва	3 волна
32	Олег	М	19 лет	Студент	Москва	3 волна
33	Валерия	Ж	19 лет	Студентка	Москва	3 волна
34	Анастасия	Ж	20 лет	Студентка	Москва	3 волна